

ЕЛЕНА ЧАЛОВА

Пустите меня в Рим

Елена Чалова

Пустите меня в Рим

«Центрполиграф»

2009

Чалова Е. Э.

Пустите меня в Рим / Е. Э. Чалова — «Центрполиграф», 2009

Жизнь Тани Семиной, а для друзей просто Туськи, текла спокойно и размеренно до тех пор, пока ее неугомонная подруга Светка по уши не влюбилась в известного музыканта и не укатила с ним прямиком в Москву. Таня осталась в провинциальном городке рядом с мамой и постоянным кавалером, мечтая о загадочной Италии, именно такой, как в ее любимом фильме «Римские каникулы». Нежданно-негаданно Тане улыбнулась удача: мама припасла для нее путевку в эту удивительную страну. Девушка даже и не подозревала, что долгожданное путешествие обернется романтической историей, которая превзойдет самые смелые ожидания...

© Чалова Е. Э., 2009

© Центрполиграф, 2009

Содержание

Елена Чалова	5
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Елена Чалова

Пустите меня в Рим

Вот опять я купила новенькую тетрадочку и строчу дневник. Последний кончился месяц назад, и я просто соскучилась без собственного жизнеописания. Ну, у каждого свои недостатки. Я, например, обожаю все записывать. У меня есть отдельные тетрадки для цитат, для рецептов, для списков важных дел. Я даже сама себе поставила диагноз: графоман. Это, к сожалению, не звучит гордо. Более того, это звучит глупо, потому что я – женщина, а не знаю, как образовать женский род от слова «графоман». Графоманка? Кажется, так и есть, но мне совершенно не нравится, как это слово выглядит. Подозрительно смахивает на нимфоманку. А я, между прочим, не такая. Я, прошу заметить, довольно положительная девушка с почти законченным средним образованием, постоянным молодым человеком и без большого количества темных пятен на биографии. Ну, если мы не будем считать прегрешения типа кражи варенья у соседки во время учебы в младшей и средней школе. Варенье мы таскали у подследповатой бабульки каждый год, оправдывая себя тем, что бесплатно гуляем с ее собачкой и в магазин бегаем безотказно, когда бабе Шуре неможется. Бабулька ворчала, охала, что совсем плохая стала, что и не помнит, сколько банок сварила. И только когда мы стали старше, классе в десятом уже, проходя мимо двери соседки с наклеенными печатями – баба Шура как раз померла на прошлой неделе, – я вдруг подумала, что бабка варенье-то варила для нас, дураков. Куда ей было по пять банок клубничного, яблочного, сливового да еще вишню?

Юность блаженна тем, что события, которые в зрелой жизни дают лишь эмоции, переживания, в юности заставляют человека думать, принимать какие-то решения. Я сидела на коврике у двери бабы Шуры и плакала, внезапно осознав значение слова «поздно». Как же это нечестно – уже не сказать «спасибо», не улыбнуться лишний раз, не сходить в магазин. Домой вернулась с опухшими глазами и на испуганный вопрос мамы, не обидел ли кто в школе, привычно уже огрызнулась. Мама вздохнула и, покачав головой, пошла разогревать обед. А я вдруг испугалась. Что же это я делаю? А если меня завтра машина переедет? Про то, что с мамой может что-то случиться, я даже мысленно представить боялась... И что, я опять буду плакать на коврике? Не поверите – мне этого хватило. Я пошла за мамой и сначала долго ревела, оправдываясь тем, что жаль вдруг стало бабу Шуру, а потом помогала ей с обедом. Не скажу, что стала паинькой, но слышала, как через пару месяцев мама разговаривала с Настей, матерью моей лучшей подружки Светки. Та не знала, что делать, – Светка хамила, курила в открытую и мать ни во что не ставила.

– А твоя как? – спросила тетя Настя, поднимая сумку и собираясь двинуться дальше к дому.

– Да моя как-то одумалась, – осторожно, наверное, чтобы не спугнуть удачу, ответила мама. – Видно, миновал переходный возраст.

– Ну, да она у тебя девочка разумная, не то что моя шалава. – И, повздыхав, Настасья пошла к дому.

Несмотря на некоторую разность в протекании переходного возраста, мы со Светкой подружки неразлейвода. Она заводила, которую побаиваются даже ребята во дворе, а я олицетворяю разумное начало, и порой мне удается удержать подругу от безрассудств.

Наша компания совсем обычная, такие есть в каждом дворе: вечерами мы сидим на лавочках или под грибочком детской площадки, если дождь. Покуриваем, пьем что-нибудь вкусненькое из банок. Или пиво. Наркотой не балуемся – придурков нет. Мой Андрей – самый крутой в нашей компашке. Внешность у него довольно заурядная, как выразилась Светка – среднерусская. Я тогда обиделась даже. Вообще-то, говорю, это возвышенность есть такая,

Среднерусская, а про внешность так не говорят. А она мне: да хоть как – вот же он, средний русский: чуть широковаты скулы, твердый подбородок, русые волосы и серые глаза. Не урод, не красавец. В школе он нормально успевал, хоть та же Светка и гудела: это потому, что мама его на всех собраниях и во всех комитетах, а папа... папа у Андрюши крутой. Но он и сам не дурак – учился как мог, в институт поступил. Мне все девчонки завидуют, что бы там Светка ни говорила. Он такой накачанный – любо-дорого посмотреть. Хотя Стас, конечно, симпатичный – такой жгучий брюнет с голубыми глазами. Он безнадежно влюблен в Светку, которая позволяет себя провожать и целовать, но я-то, как лучшая подружка, знаю, что это просто временный, проходной вариант.

– Должен же быть кто-то, – говорит Светка. – Что я, чучело какое, без мужика быть?

Само собой, она не чучело. Светка, между прочим, натуральная блондинка, с пепельными волосами и голубыми глазами. Что еще женщине нужно для счастья? Нет, ее послушать, так ей много чего надо: чтобы грудь была на два размера больше, губы – полнее, зубы – белее, кошелек на пару кило тяжелее... А каждый день жизни должен начинаться с приключения. Приключения на свою голову она ищет с завидной регулярностью. Если летом яблоки воровать с чьей-то дачи – Светка первая. Школу ночью из баллончиков раскрашивать – ура! Пирсинг в бровь сделать – первая в школе тоже Светка. Ну а уж мелкие шалости типа швыряния тортов в местных политиков, чем-то не угодивших «Гринпис»! Долгое время Светка гуляла с Артуром – он был старше нас, имел свой бизнес и навороченный «мерседес», но потом что-то у них там не сложилось, и Светка от него быстро свалила. Особо она ничего не рассказывала, просто заявила, что Артур – козел и она с ним больше не общается. А потом за ней стал ухаживать Стасик.

Мы с Андреем давно вместе, уже целый год. Я пошла в десятый, а он поступил в институт. На следующий год ему в армию, а мне – в институт. Я уже решила – пойду в горный, буду химиком-технологом. А что? У меня с математикой и физикой неплохо, а уж химия – самый интересный предмет в школьной программе. Ну, еще мне легко дается английский, но с ним куда? В пед? Скучно там небось. Теперь надо экзамены в школе сдать – и привет, свобода!

Ура, экзамены школьные позади. Все получилось так забавно – смехота просто. Я переживала только за сочинение, но написала на четыре, слава богу. Прикольнее всего получилось с химией. Ха! Я вытянула билет, ответила, благо знала материал хорошо, могла бы и не готовиться, но все равно делать было нечего, пока наша отличница выпендюшка прыгала первой у доски. Химичка, чтобы не длить экзамен, кивнула и говорит:

– Молодец, Танечка, иди.

Ну, я за дверь вывалилась, народу рассказала, как все было, и собралась уже пойти на улицу покурить, как вдруг набегают наша завуч – глаза выпученные, рюшечки на блузке дыбом стоят. Рывкнула, чтобы мы в коридоре не толпились, – и в кабинет. Ну, мы переползли к окну на лестнице, а тут химичка выскакивает из кабинета и верещит таким задушенным шепотом:

– Семина! Иди сюда.

Я иду. И она мне начинает объяснять, что по школе ходит комиссия роно и они решили зайти на химию, а в классе – как назло – остались только лирики и каково это будет: вызвать Степу Миркина, чтобы он позорился перед комиссией из роно? Степа, конечно, человек по-своему талантливый, стихи пишет прекрасные, и вообще он милый, но... Лохмы у него, как у Незнайки, торчат в разные стороны, выражение голубых глаз абсолютно младенческое, и в химии он ни черта не понимает. Оставшиеся трое стихов не пишут, но тоже не Менделеевы, а отличница наша уже ускакала на улицу маму радовать. Да и примелькалась она комиссиям.

– Танечка, я тебя прошу – вернись в класс, я тебя спрошу еще раз, а потом, если они не уйдут, я Соню вызову. Она готовилась и на четверочку вытянет.

Приговаривая и уговаривая, химичка потянула меня в класс. Я очумело плелась следом. Это немножко походило на дурной сон: вроде все уже кончилось, а потом бац – ты снова в начале пути. Делать было нечего, я села на место и уткнулась в листочки с написанным ответом.

Тут двери распахнулись и в класс, широко улыбаясь, влетела наша Ракета Иванна. Вообще-то директрису зовут Раиса, но прическа в стиле «боеголовка ракеты «земля—воздух» и стремительность движений вызвали незлобивое прозвище. За ней всплыли два дядечки и одна одышливая тетка.

– Надежда Николаевна, вы не возражаете, мы немного у вас поприсутствуем? – сладким голосом спросила директриса, пропихивая крупногабаритных дядечек к задним партам.

– Пожалуйста-пожалуйста. – Химичка заулыбалась, словно была невероятно рада. Остальные члены экзаменационной комиссии – математик и физичка – закивали как болванчики. – Мы как раз собрались слушать Таню Семину. Итак, Танечка, ты готова?

Я кивнула и выползла к доске. Бросила быстрый взгляд в ту сторону, где скопились взрослые. Дядечки смотрели на меня сочувственно, тетка – хмуро, а директриса – с надеждой. Я старалась как могла, исписала полдоски, комиссия прям заслушалась. Когда по билету рассказывать было уже определенно нечего, химичка, вопросительно взглянув в сторону директрисы, пробормотала:

– Ну хорошо, Таня, иди... Теперь Соня. Прошу к доске.

Дядечки шумно завозились. Им явно было некомфортно в узком пространстве за партами и наверняка хотелось перейти непосредственно к «чаепитию» в директорском кабинете. Покидая кабинет, я видела, как они выдирались из-за парт, а тетка бубнила что-то про необходимость успеть как можно больше и «мы не будем вам мешать, продолжайте...».

Надо отдать должное родной школе – мне дали грамоту за успехи в химии, на физике ответ мой был встречен дружескими улыбками педсостава, и пятерка торжественно была объявлена чуть ли не сразу, как только я открыла рот.

Даже историчка сделала вид, что не заметила моих метаний в поисках места на карте, где мы разбирались со шведами в Северной войне.

Выпускной мы отгуляли как положено – с дискотеккой и встречей рассвета, а потом уж и вступительные экзамены подкрались.

У нас с Андреем все нормально – он служит, я ему письма пишу и никого к себе не подпускаю, типа жду. Уж и его родители воспринимают меня как будущую жену. Хотя матушка Андрея от меня, по-моему, не в восторге. Ну, ее дело. В постели Андрей очень даже. Хотя, честно, сравнить не с чем. Светка нос морщит и все пристаёт: вот скажи, ты хочешь петь, когда с ним? Я говорю: ты рехнулась? Я если только рот открою – он сбежит моментально: у меня слуха нет, даже «В лесу родилась елочка» правильно воспроизвести не могу. Она мне – дура, я не про то. Мол, она где-то вычитала, что замуж надо выходить за такого мужчину, от которого у тебя внутри все поет и трепещет. И от всего этого хочется то ли петь, то ли плакать. Ну, я сначала вроде даже расстроилась: как-то ни петь, ни плакать Андрей у меня желания не вызывает. А потом, наоборот, думаю – оно и к лучшему, когда спокойно. А то вон у нас тетя Сима с мужем всю жизнь то поют, то плачут, то он ее бьет, то она его так завернула – Камасутру они осваивали, – что мужика потом скорая развязывала. Лучше уж чтобы как у нормальных людей, без особых эмоций. Моя мама к Андрюхе ровно относится – без восторга, но и не зудит. Сказала: тебе жить, ты сама смотри. Я и смотрю. Только не знаю куда. Он замуж зовет, а я тяну, хотя не знаю чего. Сказала – вот институт закончу, тогда. Так что время погулять еще есть.

Мамулька у меня в общем-то молодец. Мораль особо не читает и на мозги не давит. Советы, само собой, дает, но у нее это получается так... нормально, не занудно. Впрочем, если поразмыслить, я у нее тоже молодец. В том смысле, что бывают дети, от которых родители

седеют быстро и не спят ночами. Я к этой категории беспокойной молодежи никогда не принадлежала. Наоборот, росла девочкой спокойной, домашней, школу закончила очень прилично – пятерок больше, чем четверок, в институт поступила. Мама, очередной раз выслушав историю одной из своих подруг или послушав про Светкины похождения, гладила меня по голове и говорила: «Детка, ты у меня просто золото».

Больше всего ее удивляет, что мы со Светкой дружим, хотя я по натуре тихоня, а Светка – очень даже наоборот. Ее собственная мать иначе как «оторвой» дочь не называет. Хотя, на мой взгляд, это грубо и нечестно. Светка просто натура увлекающаяся и упорная. Честно сказать, я ей всегда немножко завидовала. Ну нет во мне такого огня, не могу я вот так взять и за любимым рвануть в неизвестность. А Светка смогла. Сразу после школы она, как и я, отнесла документы в горный институт, только на бухгалтерский факультет. Сдала экзамены и затосковала.

– И что мы будем делать? – спрашивала она меня, пока я, поминутно сверяясь со сложной схемой, заплетала ей супермодные в том сезоне африканские косички, вплетая синтетические пряди, потому как «грива должна получиться, понимаешь? А у меня волос только на хвост облезлого пони. Так что вот, вплетай, будет гуще».

– Как что делать? Учиться. Ну, само собой, на дискотки ходить... сессии сдавать... что все студенты делают?

– Нет, я не про это. Надо что-то... не могу я так. Денег ни фига, скучно. Может, нам фирму открыть?

– Ты что? Какую фирму?

– Если б знала, уже открыла бы! Вот скажи, чем бы ты хотела заниматься? Или, вернее, как бы ты хотела жить?

– Светка, но мы же только поступили, учиться надо...

– Про надо я все знаю. А вот чего бы ты хотела? Сейчас или в будущем?

Я задумалась. Как ни странно, ответа как-то не возникало. Понятное дело, будучи безмозглой малявкой, я мечтала стать врачом, который изобретет лекарство от всего-всего. Мама чуть ли не до самого конца школы надеялась, что я пойду на медицинский. Но то были детские мечты, а как только я узнала на практике, что такое медицина: мама попала в больницу, и я за ней ухаживала, – поняла, что не хочу быть ни врачом, ни, не дай господи, пациентом.

А вот чего я хочу теперь? А черт его знает. Семью, детей... да, конечно. Славы? Нет, этого как-то не требуется. Карьеры? Неплохо было бы, но только вот я не очень инициативна. Скорее исполнитель, а такие карьеру быстро и звонко не делают. Так и не придумав ничего путного, ответила вопросом на вопрос:

– А ты? Ты знаешь, чего хочешь?

– А то! – Светка подпрыгнула и тряхнула головой. Косичка расплелась. Я вздохнула. Но подруга уже цапнула гитару и принялась с мечтательным выражением перебирать струны. – Любви хочу, огромной, чтобы так, знаешь... как в омут. И чтобы он был совершенно необыкновенный. И еще денег хочу. И бизнес свой.

– Какой бизнес? – ошалело спросила я, пытаюсь сообразить, где она собирается эту самую необыкновенную любовь найти.

– Не знаю пока. – И, наклонив голову, изо всех сил подражая известной певице, Светка запела:

Когда б мы жили без затей,
Я нарожала бы детей
От всех, кого любила,
Всех видов и мастей...

Период у нее такой наступил – подседа девушка на авторскую песню. Честно сказать, я была только рада внимать философско-песенным откровениям каэспэшников, что не в пример легче, чем слушать тяжелый рок и смотреть, как подруга навешивает на шею и запястья утыканные железками кожаные ремешки. Теперь Светка одевалась проще и макияжа накладывала чуть-чуть.

Недели через две после этого знаменательного разговора события в нашей жизни как-то вдруг ускорились. Хотя ничто того не предвещало. Стоял август, город распластался на солнце, дни текли медленно, пахли горячим асфальтом и новой туалетной водой от Серджио Таччини. Я выпросила ее у мамы в качестве подарка на день рождения, потому что мне казалось, что она прохладная и пахнет свежестью. Так вот, Светка принеслась вытаращив глаза, выдернула меня, как репку, из-за стола с полезным завтраком – мюсли и молоко (у меня был один из приступов попытки вести здоровый образ жизни) – и потащила в центр. Город за ночь оклеили афишами «Концерт авторской песни» с длинным списком фамилий, среди которых большинство были абсолютно незнакомы ни мне, ни фанатке Светке. Лишь три-четыре имени звучали музыкой и вызывали у меня почтение, а у подружки – нервную дрожь. Пока мы прыгали у касс, дожидаясь открытия, я спросила Светку, пойдет ли она их встречать.

– Куда? В аэропорт или на вокзал? Ты сбрендил? Откуда я знаю рейсы и все остальное?

Действительно, глупо. Почему-то мне представлялось, что мастера авторской песни путешествуют по стране на поезде дружной и теплой компанией. Этаким вагон, битком набитый гитарами и людьми с задумчивыми лицами.

Как выяснилось, этот мой глупый вопрос заронил в Светкину голову еще более бредовую идею. Едва обзаведясь билетами (пятый ряд, потому что актер смотрит именно туда, черт ее знает, откуда моя подруга это вычитала, но она была в этом уверена на все сто), Светка выпала на улицу, чмокнула меня в щеку и заявила, что у нее дела, но вечером она зайдет. И смылась. Я побрела домой. Доела мюсли и пошла на работу. Чтобы летом я не болталась и для подзарабатывания денег на обновления к осени мама пристроила меня в городскую библиотеку. Администрация города, выполняя указ свыше, выделила деньги на образование, то есть решило компьютеризировать нашу славную городскую библиотеку. Само собой, компьютеры они сами купили, и не могу сказать, что это было последнее слово науки и техники, ну да все толк. Так вот, теперь предстояло запихать все каталоги и карточки в этот самый компьютер, то есть ввести. Когда заведующая библиотекой Альбина Сергеевна заикнулась, что у нее нет кандидатуры на положенную ставку программиста, поскольку коллектив у нее в основном пожилой и никакой электроники уже освоить не в состоянии – кроме чайника и телевизора, – то ей прозрачно намекнули, что работников можно и обновить, во главе с ней самой. Тогда Альбина быстро пошла на попятный и вспомнила, что у нее есть собственная племянница, молодой специалист, окончивший библиотечный факультет.

– Вот пусть племянница ваша и займется, – постановило начальство. – А мы через полгодика заглянем и проверим, что у вас там делается и как продвигается.

Альбина Сергеевна закивала, новую технику и счастливые лица сотрудников показали в новостях местного телевидения, и вопрос о том, что с этой самой техникой делать, встал ребром. Дело в том, что племянница у Альбины Сергеевны действительно закончила библиотечный факультет, но ни в одной библиотеке так ни дня и не работала, предпочитая ездить вместе с мужем в Турцию за вещами, которыми они потом дружно торговали на центральном рынке. Зарплату программиста, я думаю, забирала себе Альбина, стаж шел племяннице, а работали за нее все остальные. Начальству такая ситуация понравиться не могла, и тогда Альбина, потерзав телефонную книжку, вызвонила мою мать. Как бывшие однокурсницы, они иной раз встречались на днях рождения и прочих торжественно-официальных мероприятиях. Вот так и получилось, что мне предстояло провести лето за компьютером, вводя названия книг из каталогов

в базу данных и создавая электронный алфавитный список читателей. Кроме того, мне вменялось в обязанность обучать тетюшек из библиотеки компьютерной грамоте. За эти подвиги мне была обещана зарплата программиста за три месяца. Мама не растерялась и завела что-то про вредность компьютерного излучения – тогда заведующая пообещала еще и премию.

День тянулся и тянулся, как и все предыдущие. Подружкин ажиотаж по поводу предстоящего концерта я полностью разделить не могла, хоть и собиралась пойти вместе с ней, чтобы приобщиться к авторской песне. Но почему-то в голову постоянно лез тот вопрос, оставшийся без ответа: чего, собственно, мы с ней ждем от этой жизни? Получалось, что особо ничего: что дадут, то и ладно. Я всегда умела радоваться мелочам. Думаю, это качество досталось мне от мамы, которая даже на погоду никогда не жаловалась. Солнце – прекрасно, клубника нальется – так, вообще, можно представить себя на юге. Дождь? Замечательно – все вокруг посвежеет, а под его монотонные капли так чудесно читать, завернувшись в плед, или пить чай. Словом, я по натуре существо спокойное и удовлетворенное. Но тут меня что-то заело. Не то чтобы подвигам захотелось или мирской славы... но все же отсутствие высоких стремлений и честолюбивых помыслов почему-то показалось мне обидным.

Несколько следующих дней я подружку почти совсем не видела. Большую часть времени Светка проводила в Интернете, переписываясь с кем-то, кого я не знала.

Потом явилась довольная и заявила, что все узнала и теперь главное – как следует подготовиться.

– Что узнала-то?

– Он и правда приезжает поездом. Номер ему забронировали в гостинице «Центральная».

– Кто он, чучело?

– Сама такая! Ну ты у меня и тормоз! Да Летнев же!

Ах вот оно что! Светка, как всегда, сумела сосредоточиться на главном, отбросив все лишнее. Нет никакой возможности встретить любимую Долину или обожаемого Митяева, так будем ловить героя девичьих грез. Николай Летнев, бард из бардов, красавец и поэт, был Светкиным идиолом и кумиром. В ее комнате висел большой портрет этого синеглазого красавца. Темные выющиеся волосы, заразительная белозубая улыбка. На гитаре лежали красивые руки с длинными пальцами. Светка знала наизусть чуть ли не все его песни, не раз читала мне их как стихи и пела тоже. В принципе Летнев мне тоже нравился, но разделить подружкин восторг я не могла. Может, просто потому, что я не столь экзальтированная особа. Итак, мы стали ждать дня икс. Выяснилось, что приедет Летнев за день до концерта, и Светка вбила себе в голову, что сможет обязательно с ним познакомиться.

– Автограф возьму, – мечтательно бормотала она, перебирая струны гитары. – А вдруг он согласится мои стихи прочитать?

На вокзал мы прибыли за час до прихода поезда. Светка прыгала от нетерпения, поглядывала на табло, на часы у платформы, на свои наручные часы. Время от времени она, ворочая оглядываясь по сторонам, доставала из пачки тонкую сигарету и нервно курила. Я, маясь угрызениями совести оттого, что торчу тут на платформе, вместо того, чтобы деньги зарабатывать, озиралась по сторонам. Я не очень люблю вокзалы, наверное, потому, что в моем сознании они всегда связаны с тревогой: а вдруг опоздаешь на поезд? Мы с мамой пару раз ездили на юг и всегда ужасно нервничали. Ну и с классом мы тоже пару раз выезжали – в Питер и в Москву, мне понравилось, вот только как-то все бегом было.

И в то же время запах чего-то горелого (черт его знает, чем так всегда странно пахнет на вокзалах), шум, взволнованные лица, суета – все это вызывает острую охоту к перемене мест. Мне тоже немедленно захотелось собрать чемодан, спешить по перрону, таща его за собой, он такой прикольный, на колесиках! А на плечо я повесила бы коричневую кожаную сумочку. Рюкзачок, конечно, удобнее, но он за спиной, а я всегда беспокоюсь за деньги и документы –

под мышкой как-то надежнее... А потом я бы забралась в купе и с нетерпением ждала соседей, чтобы выяснить, какая полка мне достанется. Потому что в билете, конечно, все написано, но часто бывает, что верх дают какой-нибудь тетеньке в годах и с таким весом, что я под ней все равно не засну от страха за свою жизнь – даже если на минутку поверить, что ей придет в голову туда лезть. А потом поезд тронется, и беспокойство сменится нетерпеливым предвкушением встречи с чем-то новым. И можно бесконечно долго смотреть в окно, наблюдать за сменой пейзажей. И читать. А еще я обожаю спать под стук колес поезда. Иногда просыпаюсь и с удовольствием смотрю на мелькнувшие в темном окне фонари полустанков. А в дорогу здорово взять пирожков и конфет и пить с ними чай. Есть, конечно, и минусы: туалеты, например. И попутчики тоже попадают разные. Но все равно дорога – это чертовски здорово!

– Смотри, смотри! – Светка дергала меня за руку.

Пока я мысленно грузилась в мой вагончик и отбивала в неизвестном направлении, прибыл поезд, которого подруга ждала с таким нетерпением. Он уже подходил к платформе, гудя, пыхтя и распространяя вокруг себя тот самый дорожный запах. Мы приблизительно рассчитали, где должен остановиться четвертый вагон, и, соответственно, торчали именно на этом месте. Но тут выяснилось, что нумерация идет с другой стороны, то есть не с головы поезда, как мы думали, а с хвоста. И пришлось нам вприпрыжку нестись в конец платформы, оглябывая носильщиков, людей с сумками и чемоданами. Светка отчаянно крутила головой, вглядываясь в проходящих мимо пассажиров – боялась прозевать своего кумира. Мне же пришлось сосредоточиться на самом процессе передвижения, поскольку, пытаясь хоть как-то соответствовать торжественности момента и блеску подруги, которая одевалась и причесывалась чуть ли не сутки, я надела новые туфли на довольно высоких каблуках. Передвигалась я в них с некоторым трудом, и чем больше была скорость движения, тем менее уверенно я себя чувствовала. Еще через пару минут я попыталась вспомнить, есть ли у меня с собой пластырь, так как пятки ощутимо горели. А потом мы оказались у вагона и всматривались в людей, с разной степенью ловкости спускавшихся по ступенькам.

Проводница поглядывала на нас недовольно, но молчала. Когда она вдруг собралась вернуться в вагон, мы со Светкой осознали, что пассажиры, видимо, кончились, а Чацкого, то есть Летнева, все нет.

– Подождите! – Светка вцепилась в поручень, порываясь пойти за теткой. – А разве он не в вашем вагоне ехал? Место десятое...

– Синеглазый, с гитарой, – решила помочь я.

Проводница хмыкнула и решительно сообщила:

– Сбежал от вас синеглазый.

– Как?

– А так. Сошел на полустанке часа полтора назад.

Наше возвращение домой трудно было назвать триумфальным. Я, как могла, утешала Светку, потом торопливо заклеила ноги, сменила обувь и помчалась на службу, клятвенно пообещав подруге вечером к ней заглянуть.

Само собой, вечером обещание пришлось выполнять. Мы с мамой поужинали, я помыла посуду, натянула мои любимые джинсики со стразами, курточку с бахромушками: да здравствует джинса! Даже если у тебя нет денег на настоящую фирму, все равно мастерство китайских производителей достигло таких высот, что ходишь – как все. А разве не это самое главное? В подростковом возрасте это одна из составляющих душевного комфорта.

– Ты куда это? – с дежурной настороженностью поинтересовалась мама.

– Во двор, там Светка, Наташка. Я не поздно.

– Иди. – Мать махнула рукой и взялась за очередной диплом какого-то балбеса.

Вся компания и впрямь гудела в дальнем конце двора. Тут образовался бестолковый и нелюбимый никем, кроме нас, пятачок, потому что под деревом стояли две скамейки, а рядом

с ними располагалась автостоянка и проходила дорога. Пенсионеры, берегущие свое здоровье, ворчали на выхлопные газы и не ленились пройти до скверика. Мамашки с детенышами тусовались на детской площадке, а этот пятачок был наш. Мы его даже окультурили: сперли в центральном городском парке здоровую урну и поставили меж двух скамеек. И бутылки, банки, бычки кидали туда. Так что прям красота. Сейчас уже почти стемнело, мамышки с детишками разбежались, пенсионеры расплзлись, и только собачники шныряли вокруг серыми тенями. Из детей присутствовал лишь Суслик – Светкин младший братец, прозванный так за выступающие передние зубы, закованные в скобки. Вообще-то ему полагалось быть уже дома и смотреть «Спокойной ночи, малыши», но их матери дома не было, а один в квартире пацан спать отказывался, и Светка тянула время, разрешив ему погулять.

Сначала пели под гитару, потом как-то устали, врубили магнитофон и просто сидели, каждый сам по себе. Андрея моего не было, Светка страдала, Пашка с Наташкой целовались – у них период такой – не оторваться. Остальные не знаю, чего делали, а я сидела на скамейке и дремала. Музыка волнами проходила по телу, навевая сон на усталые мозги, глаза потихоньку закрывались. Я думала о том, что надо все же найти время и поразмышлять о том, чего именно я хочу достичь в этой жизни, потому что как же иначе. Может, я хочу стать завбиблиотекой? Как Альбина Сергеевна... Сидеть в кабинете, пить чай с пирожками, высоко поднимать выщипанные брови, намекая на глупость подчиненных... Нет, это как-то скучно. Бизнес свой открыть... А что за бизнес? Пирожками торговать? Черт, дались мне эти пирожки, и ведь вроде ужинала... Вот хорошо Светке – у нее идей и стремлений не то что на двоих – на пятерых хватит. И до Летнева своего она наверняка завтра доберется и получит от героя все, что захочет... Светка – она такая – трактором не остановишь... А потом мне подумалось, что когда-нибудь найдется и мой герой, который увезет меня на какой-нибудь милой машинке, предпочтительно иномарке, хотя черт с ней, с машинкой, главное, чтобы человек был хороший и любил бы меня так... чтобы не испугаться дракона. Вот ведь какой бред в голову лезет – почему дракона? И тут я его увидела. Дракон напал из переулка, блестя какими-то несимметричными глазами, и чувствовалось, что он большой и пахнет железом... Я лениво наблюдала, как он приближается к нашей улице, и думала: как же так? Дракон уже здесь, а героя у меня еще нет. Как же я без героя? Он же должен выйти навстречу чудищу с мечом... или топором?

Но в этот момент навстречу многоглазому чудищу метнулась по черному асфальту маленькая тень, и я хмыкнула вслух: вот тебе и герой – Светкин братец. Ни фиги себе добрый молодец! Худющий, рост – метр с кепкой и скобки на зубах. Мальчишка полз по асфальту, толкая перед собой какую-то игрушку, и на дракона ему было плевать. Здесь я вдруг проснулась и сразу поняла, что пацан сейчас попадет под колеса, потому что это и не дракон вовсе, а мотоциклы, и еще неизвестно, увидят байкеры мальчишку или нет, так как улица-то изгибается, а он торчит как раз у стоянки и под углом к переулку.

Я прыгнула с лавочки, что-то крикнула и побежала вперед. Суслик стоял неподвижно, вытаращив глаза на свет фар и приоткрыв рот. Я уже почти дотянулась до малыша, но тут моя нога в туфельке на каблуке зацепилась за проволоку, натянутую вдоль автостоянки и привязанную к колышкам. Я упала на асфальт, от боли нечем стало дышать, все поплыло перед глазами, и в этом маре я увидела, как глаза дракона моргнули, а сам он стал отворачивать голову. Потом на меня обрушились звуки: крик, мат, скрежет и визг тормозов, плач напуганного, но невредимого Суслика. Первый мотоцикл стал тормозить. Позже байкер признался, что пацана не видел и среагировал, только когда я метнулась к дороге. Хорошо, что во дворах они двигались медленно. Он развернул мотоцикл, одновременно его заваливая, и второй, который вообще не понял, в чем дело, врезался в него. За спиной байкера сидел мужик, и удар мотоцикла пришелся ему прямо по ноге. Короче, в «скорую» нас грузили вдвоем. Последнее, что я видела, когда двери закрывались, – это белое лицо Светки, которая прижимала к себе брата, но смотрела почему-то не на меня, а на мужика, лежащего на соседних носилках. Честно ска-

зять, я редела от боли, и мне ужасно хотелось, чтобы мама поехала со мной, но ей сесть было уже некуда, и кто-то из соседей пообещал отвезти ее в больницу. И в этой тряской машине скорой мы ехали вдвоем с незнакомым мужиком, а врач, сидя на переднем сиденье, рядом с водителем, все время оглядывался и кричал нам, перекрывая гул мотора и завывания сирены:

– Ничего, потерпите, бойцы, сейчас доедем! Душманов нет, а значит, будем живы!

– При чем тут душманы? – спросил меня мужик. Он сидел на носилках и только немного морщился от боли, а я редела, даже не думая о том, как кошмарно, наверное, выгляжу. К тому же меня начало трясти, и я, стуча зубами, с трудом проговорила:

– Это дядя Сережа, он в соседнем доме живет. Он хороший врач, но в молодости был где-то... в Афгане, кажется. И с тех пор, как вечерний выезд, все время про душманов вспоминает... по улице иногда бежит, словно обстрел...

Мужик сочувственно кивнул и, глядя на меня, с беспокойством спросил:

– Так плохо?

Я тоже кивнула, продолжая реветь и дрожать. Он, кривясь от боли, снял кожаную куртку и накрыл меня. Я хотела сказать «спасибо», но тут машину тряхнуло, в глазах потемнело от боли, я услышала крик и не сразу поняла, что это я сама кричу, а мужик гладит меня по голове и приговаривает:

– Ничего, ничего, потерпи, сейчас приедем, – а потом принялся матом орать на шофера, что он людей везет, а не картошку, и дядя Сережа подхватил:

– Точно, раненого везем, а ты что, чурка ты азиатская...

Наконец мы все же приехали, носилки закатили в приемный покой, вероятно, там бы и оставили, потому как врачей поблизости не наблюдалось, но мужик, который дохромал почти сам, лишь опираясь на плечо дяди Сережи, вцепился в него и принялся требовать немедленной медицинской помощи, голоса, что он из Москвы, а завтра ему надо быть на сцене и он сейчас позвонит мэру и губернатору. Дядя Сережа, в привычной обстановке больницы пришедший в себя, моргнул кому-то из санитаров и вскоре в коридоре нарисовались два врача – мужчина и женщина. Мужик отпустил дядю Сережу и, уставившись на них немигающим взором, потребовал:

– Видите девушку на носилках? Она пострадала, спасая жизнь ребенку. Я хочу знать, что с ней, и быстро! И постарайтесь сделать все аккуратно, потому что ей очень больно. А я пока позвоню приятелю, он у меня ведет местную программу новостей, может, они не станут ждать утра, а прямо сейчас подъедут.

Короче, дальше вспоминать неинтересно, потому что, хоть меня и накололи обезболивающим, чувствовала я себя фигово. А самое смешное – я как-то про ногу и что там у меня внутри болит не очень думала, только все переживала за его кожаную куртку, которую кто-то из врачей бросил на стул в углу процедурной. Вдруг сопрут, думала я. Куртка дорогая, жалко. И так она пахла здорово. И когда в комнате появилась мама, я, не замечая ее побледневшего лица и расширенных от ужаса глаз, схватила ее за руку и зашептала:

– Мама, куртку возьми, а то украдут, а она чужая. Это мне парень дал, которого со мной вместе везли в машине.

Мать вопросительно взглянула на врача, тот пожал плечами, потом буркнул, что они вкололи мне много чего и сознание могло спутаться. Затем немного подумал и добавил что-то насчет невропатолога, которого надо будет пригласить с утра пораньше.

Но я все же добилась от мамы, чтобы она взяла куртку, и потом уже чувствовала себя телом, которое крутят, перекадывают со стола на стол и на кровать и вообще отключилась.

Проснулась я утром не знаю во сколько и увидела спящую на стуле маму. Попытка пошевелиться вызвала боль, заставила меня вскрикнуть. Мама сразу вскинулась, заплакала и принялась причитать, что я, слава богу, жива, а остальное до свадьбы заживет. Мне опять сделали укол обезболивания, и через некоторое время я выяснила, что у меня банальный закрытый

перелом лодыжки, трещина ребра и ушибы всего остального. Я согласилась сесть и поесть, потому что после укола чувствовала себя не так уж плохо – лишь мешали повязки на ребрах, а нога, закованная в гипс, вроде и болела несильно. Еще болели вторая коленка, где обнаружилась здоровая ссадина, грудь и локоть правой руки. Но я была жива и полна оптимизма. Даже справилась с омлетом, хотя от кофе отказалась – гадость такая, что и поросся пить не стали бы.

Едва ощутив запах больничной еды, мама сморщила нос, а увидев рацион, метнулась к двери, пообещав скоро вернуться. Само собой, мама сейчас купит всего самого вкусного и будет меня пичкать как маленькую. Я почувствовала укол совести: если есть и лежать, я растолстею, да и бюджет наш, тщательно рассчитанный, не позволяет особых трат на глупости. Потом я вспомнила, на что были отложены деньги – на поездку на юг. И опять принялась реветь: вдруг перелом не позволит мне съездить на море. Наверняка не позволит, вот черт! Соседки по палате – две тетki неопределенного возраста и большого веса, мирно досыпавшие после завтрака, – заворочались и принялись ворчать.

Тут в окошко что-то стукнуло. Я приподнялась и уставилась на улицу. Там маячила Светка. За ее спиной возвышались два мужика в байкерских кожанках. Увидев мое лицо, они подошли к самой стенке, и подружка знаками велела мне открыть окно. Кое-как я дотянулась до шпингалета, и рама с готовностью и легким скрипом распахнулась. В ту же минуту один из парней сложил руки лодочкой, Светка наступила в них, встала ему на плечи и, опершись на подоконник, влезла в окно. Тетки заворчали, а Светка, услышав «холодно», только фыркнула: «Проветритесь».

Потом уставилась на меня огромными, какими-то шальными глазами, и я сразу поняла, что она не спала ночью, и что-то происходит.

– Ты как? – спросила Светка. – Я твою маму встретила, но она со мной разговаривать не стала. Только что не плюнула в мою сторону.

– Не обращай внимания. Мама есть мама, у нее работа такая – нервничать. У меня сломана нога, треснуто ребро, а остальное – фигня, заживет. Синяки просто.

– Ты не винишь меня?

– За что?

– Ну, это же мой брат был... Надо было сопляка уложить вовремя.

– Не говори глупостей! – Я произнесла это голосом моей мамы. Мы обе это поняли и рассмеялись. Потом Светка полезла меня обнимать, я зашипела, а она опять виновато произнесла:

– Прости.

– Ничего... слушай, что вчера было?

– Ужас, что было! Пока моя мамаша до дома дошла – ей человек пять рассказали о наезде. Она меня бить кинулась. Если бы я не смылась, у меня сейчас травм было бы не меньше, чем у тебя. – Светка облизала сухие губы, глаза ее лихорадочно блестели, и мне показалось, что у подружки жар. Она оглянулась на теток и понизила голос: – А потом я поехала в больницу, но меня сюда не пустили. Тогда я дождалась Николая...

– Кого?

– Ну, Летнева же. Ты что, его не узнала?

Я покачала головой. Светка придвинулась поближе и принялась рассказывать. Оказывается тот мужик, что ехал со мной в «скорой», – это и был тот самый Николай Летнев, бард из бардов и Светкина мечта. Он провел время у приятеля, который жил неподалеку от города, а потом вся хорошо гульнувшая гоп-компания взялась доставить его в город, чтобы он успел отдохнуть перед концертом. Вот и отдохнули. Светка встретила у больницы подтянувшихся байкеров, нашла среди них знакомого и вскоре уже прочно сидела на одной из машин, дожидаясь известий о Николае. Его отпустили в тот же вечер: рентген показал, что переломов нет, только сильный ушиб и растяжение. Эластичный бинт и пожелания провести несколько дней в покое – вот и все, что ему прописали. Все отправились отмечать спасение Летнева, и Светка

тоже. Тут она стала совсем невнятной, но я так поняла, что моя подружка добралась-таки до своего кумира.

Увлеченные разговором, мы не прислушивались к происходящему вокруг до тех пор, пока одна из теток, присмиривших от Светкиного нахальства, не вякнула:

– Эй ты, шалава, выметайся. Обход идет.

Прислушавшись, я различила шарканье ног в коридоре и голоса. Светка метнулась к подоконнику и свалилась на руки байкерам. Я прикрыла окно – и в палату вошли дежурный врач и медсестра.

День в больнице тянулся невыносимо, несмотря на приход мамы с сумкой всяких вкусностей. Я знала, что Светка должна вернуться, да и маму было жалко, а я съела столько, сколько и в здоровом состоянии не ела: лишь бы доказать, что аппетит нормальный и чтобы мама успокоилась, ушла домой спать.

Само собой, я заснула, так и не дождавшись Светки. Но она все же пришла. Камушки и песок ударили в окно. Я очухалась, открыла раму, подруга опять оказалась на моей кровати, и я сразу поняла, что что-то еще случилось, потому что на глазах ее блеснули слезы. Светка никогда не плачет. Ее даже мальчишки в детстве уважали за твердость и отсутствие нытья. Я – другое дело: у меня чуть что слезы ручьем. Увидев подругу в таком состоянии, я не на шутку перепугалась. Она взяла мою руку, дотянулась, осторожно поцеловала меня в щеку и зашептала:

– Прощай, Туська, я уезжаю. Не знаю когда, но увидимся. Ты точно на меня не в обиде?

– Нет, какая обида! А куда ты едешь?

– Сначала по маршруту гастролей, а потом в Москву.

Я захлопала глазами, не веря своим ушам, подружка торопливым шепотом пояснила, что мать ее простит невесту когда, а пока и видеть не может, трясется вся. Взрослое население двора, да и наша компания, винили в случившемся именно Светку, что меня в тот момент ужасно удивило. И подружка, встретив своего героя, решила заодно распрощаться с ополчившимися на нее родными и знакомыми.

– С Сусликом я попрощалась, он дурак, конечно, еще, но все равно братик. Ты присматривай за ним, ладно? – Я кивнула. – Я тебе напишу. Или позвоню.

– Светка, но как же ты... одна. К началу занятий в институте хоть вернешься?

Она пожала плечами. Потом, блестя глазами, ответила:

– Если все будет нормально – не вернусь... ну, только если в гости: тебя проведать и Суслика.

За окном раздался свист, и подружка дернулась:

– Мне пора. Прощай, Танька.

– Ты что... нельзя так! Скажи «до свидания».

– Ладно, пока, до встречи.

Она вылезла в окно, а я кое-как подвинулась и выглянула на улицу. Там стояли те же двое ребят, что и утром... а может, другие, в сумраках видно было плохо. И с ними Николай. Теперь, зная, что это он, я легко его узнала. Николай махнул мне рукой и негромко сказал:

– Выздоровливай, Татьяна.

– Куртка, у меня ваша куртка осталась!

– Черт с ней! Если понравилась – носи на здоровье. Главное – выздоравливай!

Светка уже стояла с ним рядом. Он оперся на ее плечо и захромал прочь. Когда они скрылись за углом детского корпуса, на улице взревели моторы мотоциклов. Я упала на подушку и долго смотрела в быстро темнеющее небо. Шумели и радовались птицы в больничном саду, а у меня из глаз текли слезы. Мне было жалко Светку, себя, Суслика, наших мам.

Из больницы меня выставили довольно быстро. На костылях я бодро прыгаю в библиотеку и, поудобнее устроив ногу, отсиживаю за компом. Пашка бросил Наташку и теперь каждый вечер провожает меня домой, но как-то это не радует. На юг мы не поехали.

Светкины гастроли с Николаем длились почти месяц. Потом она оказалась в Москве. Я хожу на занятия в институт. Масса новых впечатлений и знакомств немного притупили боль разлуки с подружкой, хотя иной раз я потихоньку реву – так мне ее не хватает! За Сусликом я стараюсь присматривать, как и обещала. Он вообще-то парень невредный, больше всего любит всякую живность, а из книжек – энциклопедии про животных. Правда, как-то раз я его засекла за школой со старшими пацанами, и, сдастся мне, он курил. Я не поленилась, подстерегла малолетнего негодяя, когда он неспешно – нога за ногу – шел домой, прижала его на лестнице и принялась. Так и есть – воняло от него, как от скунса, и в том числе сигаретами. Дала ему подзатыльник. Суслик заморгал и заныл:

– Танька, ты чего? Чего дерешься-то?

– Того! Ты с кем сегодня торчал за школой? На наркоту сесть хочешь?

– Ты чё? Мы курили просто... А!

Второй подзатыльник получился покрепче первого, но, на мой взгляд, был абсолютно заслуженным.

– Я тебе покажу – курили! Думаешь, Светки нет, гулять можно и не оглядываться?

К моему удивлению, Суслик вдруг жалобно сморщился и захныкал, кусая обветренные губы.

– Ты чего? – растерялась я.

– Я без нее скучаю-ю-ю. Она со мной разговаривала, а мать... у нее всех слов: поел? уроки сделал? Спать иди – и все.

– Да? – И о чем с этим мелким грызуном можно разговаривать? – Ну, не реви. Давай так: захочешь поговорить или еще что – заходи. А с теми пацанами не вяжись, слышишь? Будут доставать – скажи мне, я сама с ними разберусь.

– Ладно. – Суслик потер грязной лапкой нос.

Я заметила на его руке едва подсохшие царапины.

– Это кто тебя так?

– Барс. Я ему занозу из лапы доставал.

Судя по царапинам, барс был дикий, хотя, наверное, это тот отвязный кот с бандитской мордой, что вечно сверкает глазами у помойки.

Пришлось тащить малолетнего Айболита домой, промывать ему раны и заливать зеленкой. Суслик жалобно повизгивал, но терпел и не дергался. Потом я сунула ему шоколадку и отправила домой.

Вечером рассказала маме про новую печаль. Само собой, она стала заступаться за тетку Настасью, которая работает как лошадь и все такое. А потом сказала:

– Знаешь, у нас ведь есть школа юннатов при университете. Я поговорю с педагогами, может, уговорю взять мальчишку. Он, конечно, мал еще, но если будет занят, хоть по улице болтаться времени не останется.

Через неделю я заставила Суслика вымыться, надеть чистую рубашку и отвела его в школу юннатов. На мой взгляд, там было так себе – грязновато, в нескольких комнатках полуподвального помещения ютились какие-то клетки, кто-то шуршал, на стенах висели несимпатичные плакаты с анатомическими подробностями. Но Суслик уже через несколько минут перестал судорожно цепляться за мою ладонь, глаза у него разбежались, и он стал хвостом ходить за очень серьезной толстенькой девочкой лет четырнадцати, которая, строго глядя на него сверху вниз, спрашивала:

– А по биологии у тебя какие отметки? А проходите вы что? Так не годится – вон в шкафу старые учебники, найди нужный, я тебе объясню тему. А когда разберешься – пойдем в сад, я покажу тебе экспериментальный муравейник.

Надо сказать, после того, как Суслик стал юннатом, жизнь его изменилась к лучшему – он перестал быть неприкаянным маленьким грызуном и теперь несется по двору из школы на крейсерской скорости, чтобы побыстрее сделать уроки и бежать к своим друзьям и муравьям. Иной раз останавливается поговорить со мной, или я заглядываю к ним после института, передаю ему приветы от Светки и расспрашиваю, как его мелкие дела. Не скажу, что мне они интересны, но раз обещала... К тому же это ненормально, когда человеку поговорить не с кем.

А потом Светка написала, что ждет ребенка, и я все думала, как это странно: я вот опять делаю уроки, хожу на дискотеку, а она скоро будет мамой. Встретив у подъезда тетю Настасью, Светкину мать, я заулыбалась и принялась ее поздравлять. Она некоторое время удивленно смотрела на меня, хлопая глазами, и я вдруг подумала, что выглядит она лучше, чем тогда, когда Светка жила дома, – вон и ресницы накрашены, и волосы уложены.

– Чего-то не пойму, Татьяна, ты о чем? Какая радость скоро будет?

– Ну как же, вы бабушкой станете. – Мне и в голову не пришло, что подруга матери могла не написать и не позвонить.

Настасья уронила сумку и вцепилась мне в плечо так, что я скривилась от боли.

– Как бабушкой? Ты что несешь?

Вот Светка зараза, подумала я. Но делать было нечего – пришлось вкратце пересказать письмо подруги: о том, что живут они с Николаем хорошо, что Светка учится на вечернем и ждет ребенка...

– Они расписаны? – прервала меня напряженно слушающая женщина.

– Н-не знаю, она не написала.

– Значит, не расписаны! Живет как б...дь, – припечатала Настасья. Потом как-то искоса взглянула на меня, отвела глаза и быстро попросила: – Ты уж не рассказывай никому, Татьяна, сделай милость, не позорь меня.

– Хорошо... Если вы не хотите, я не буду. Я просто не думала, что...

– Что? Что я не хочу стать бабушкой? А вот представь себе – не хочу! Я, может, замуж скоро выйду, Славке (это Суслика Славкой зовут) отец нужен, а то отобьется от рук, как шалава эта... И напиши ей вот что – если хахаль ее выгонит, пусть не вздумает возвращаться: не пущу ни ее, ни отродье непонятно чье. Напиши, слышишь?

Я кивнула. Как-то мне неприятно стало. Тем вечером, сидя на лавочке и вполуха слушая разговоры, я все думала: а вот моя мама выгнала бы меня, если бы я, скажем, забеременела от Андрея, а он не захотел бы жениться? Или не от Андрея, а, например, от Анатолия – парня из нашей группы: он мне записочки пишет и на последней дискотеке подрался с каким-то приятелем Андрея, который полез ему указывать, что я, мол, девушка солдата. Я представила себе, как мама сядет на стул и будет на меня долго смотреть... а потом мы обе хором заревели бы... но она меня ни за что не выгнала бы. Думаю, и попрекать бы особо не стала.

Светке я все написала, она ответила в том смысле – пусть подавится своей свободой, и квартирой, и всем остальным. Потом позвонила, сказала, что родила девочку, назвала Марией. Я так за нее счастлива...

Андрей вернулся из армии, и у нас все опять идет ни шатко ни валко. И я даже позавидовала Светке, которая вдруг позвонила и сообщила, что они с Николаем разошлись. Так я и не поняла, что там у них не сложилось – по этому поводу Светка была весьма невнятна. Но квартиру он ей и дочке оставил, потому домой к тетке Настасье Светка не вернулась.

Вот у человека жизнь кипит. А здесь? Андрей меня вчера до дома провожал, зашел, мама позвонила, сказала, что задерживается. По времени понятно – успеваем. Позанимались сексом.

Потом он ушел, а я села смотреть «Римские каникулы». Каждый раз, вставляя в магнитофон кассету, я испытываю чувство стыда. Это единственная вещь, которую я украла. Наверное, с точки зрения морали и нравственности, или, если угодно, греха, не так важно, сколько этих вещей – одна или много. Все равно нехорошо. Но ведь она все равно пылилась бы на полке! Ее даже никто не хватился, честное слово!

Я опять вспомнила Нину Андреевну и всю историю, связанную с кассетами. Нина Андреевна преподавала у нас английский. Такая милая женщина: стройная, носила юбки, женственные блузочки и кофточки. Стрижка каре, темные волосы, карие глаза, большой рот и яркая помада. Цок-цок, каблучки по коридору, и все ждут – вот сейчас войдет Ниночка – никто ее иначе за глаза не называл. Она ужасалась, глядя в наши учебники для технических вузов.

– Боже, как скучно, – вздыхала Нина, переворачивая страницу так брезгливо, словно боялась найти в книжке паука. – На этом материале совершенно невозможно выучить язык. А уж о том, чтобы говорить, – и речи быть не может. Нужно слушать речь носителей языка, впитывать его мелодику, подражать – тогда все получится.

Потом она принесла нам свою статью, опубликованную в каком-то специальном сборнике для преподавателей. Там излагалась методика преподавания английского с использованием видеофильмов. Получив нашу горячую поддержку – кому охота долбить текст про переговоры, когда есть возможность кино смотреть, – Нина Андреевна отправилась к завкафедрой и предложила внедрить прогрессивную методику. Но завкафедрой была дама строгая, старых правил, к тому же учились мы именно по ее учебнику, а потому наша Ниночка получила от ворот полный поворот. И тогда она пошла к декану. Стратегически, как я теперь понимаю, это решение было ошибочным в корне. Декан наш, Николай Львович, мужчина видный и второй раз женатый, что не мешало студенткам порой краснеть под внимательным взглядом его серых глаз. Нина Андреевна понравилась ему чрезвычайно, и вскоре, к нашему и завкафедрой немалому удивлению, факультет выделил деньги на покупку видеодвойки и кассет. Завкафедрой получила распоряжение выделить часы на занятия разговорным языком.

Мы целый год наслаждались процессом. Честно сказать, смотреть кино оказалось не так легко, как все думали. Нина Андреевна подошла к делу серьезно, и перед тем, как смотреть очередную сцену, нам приходилось заучивать кучу слов, потом она давала всякие упражнения, мы отвечали на вопросы... То есть это реально были уроки, а не развлечение, как многие надеялись. Но потом все кончилось.

Студентам знать о происходящем было не положено, и большинство было не в курсе, но я дружила с дочкой замдекана и потому все знала. Оказывается, наш декан увлекся Ниночкой всерьез и стал, видимо, манкировать супружескими обязанностями. Или еще как-то жена узнала. А жена – его бывшая студентка, младше декана на 17 лет и как раз ждала второго ребенка. Она недолго думая явилась в институт, обошла все кабинеты, жалуюсь на мужа и демонстративно поглаживая живот. Само собой, ей сочувствовали. Потом в кадрах кто-то разболтал ей адрес Ниночки. Жена декана заявила к ней домой и устроила жуткий скандал, завершившийся вызовом «скорой помощи», на которой молодую женщину увезли в больницу. Декан, напуганный перспективой еще большего скандала и разрывом с тестем, который кто-то там в администрации города, каялся и посыпал голову пеплом, заваливая больничную палату цветами и подарками. В результате жена его простила, а Ниночке пришлось уволиться.

Кассеты остались, но их убрали в кабинете на полку, и никто ими больше не интересовался. Видеодвойка куда-то пропала. У меня знакомая работала лаборанткой на кафедре английского и давала мне кассеты смотреть. Я честно вернула все, кроме «Римских каникул». Я смотрела фильм столько раз, что теперь понимала все – от слова до слова, более того, часть диалогов почти выучила наизусть.

И вот чем больше я обо всем этом думаю – о моей Светке, о Ниночке и даже о принцессе из фильма, – тем больше понимаю, что мне не хватает в жизни сильного чувства. Нет, Андрей

хороший и меня, наверное, любит. По крайней мере, жениться собирается. А вот я как-то не горю. Огня нет! Черт, это все Светка виновата – заразила меня своими бреднями.

Я закончила институт с красным дипломом. Не знаю уж, что на меня нашло. Мама, конечно, радовалась, а позвонившая Светка, узнав о моих успехах, спросила:

– Ну ты чего, Туська? Неужели больше заняться нечем?

Я честно ответила, что нечем. А вот сама Светка вышла замуж. Он прекрасный парень, и, короче, она снова беременна.

Как-то все в институте шло ровно и немного скучновато. Даже писать было особо не о чем, хотя, с другой стороны, и некогда. У меня был мой верный паладин Андрей, которого я периодически гоняла, про себя решив, что выйду за него замуж только в самом крайнем случае. Ну, должен же быть у девушки запасной аэродром. Пара молодых людей ухаживала за мной в институте, но как-то я ни с одним из них восторга не испытывала. Девчонки выскакивали замуж направо-налево, а я как-то все не могла найти, кто бы сгодился на роль суженого. Не то чтобы я заморачивалась этой темой, но покажите мне такую девушку, которая не начнет нервно озираться по сторонам, если получает приглашения на свадьбу раз в полтора-два месяца. Плюнув, я решила, что счастье найдет и за печкой или где там я буду работать. Ну, в общем, там и найдет. И с головой окунулась в учебу. Вообще-то я человек просто по природе своей добросовестный и, отучившись ровно первые три курса, дальше сложностей не испытывала, потому как все шло по накатанной – все преподаватели знали, что я иду на красный диплом. Летом я ездила на практику с институтом – вожатой в пионерлагерь. Это, надо сказать, отдельная повесть, которую я никогда не напишу... Потому что практика эта существенно обогатила мое знание человеческой натуры, в основном в плане проявления этой натурой всяких разных инстинктов.

Кстати, из-за лагеря произошла у нас с Андреем шикарная ссора, полная страстей и даже угроз. Он категорически запретил мне ехать вожатой. Я как-то не ожидала такого проявления деспотизма, а потому не сразу нашлась что ответить и только удивленно спросила:

– Почему?

И тут узнала о работе вожатого много интересного. Оказывается, все вожатые только и делают – по крайней мере, после отбоя, – что трахаются. Или квасят. Или совмещают одно с другим, а некоторые так еще и покуривают травку. И так он мне живописно все это рассказывал, что я начала судорожно вспоминать – а не работал ли мой Андрюша на этой ниве? Вроде нет. Тогда откуда такие глубокие знания по предмету? Этот вопрос я озвучила, и выяснилось, что вожатым работал Севка (знаю я его, трахает все, что не успевает убежать), а Андрюша со товарищи как-то ездил к нему в гости на пару дней. И вот там он насмотрелся.

– А может, и попробовался? – ехидно спросила я.

– Да, – с вызовом ответил мне новоявленный деспот. – И не хочу, чтобы ты пробовала то же самое.

– А кто ты такой, чтобы мне запрещать? – поинтересовалась я.

Выслушав очередную версию на тему «наше светлое совместное будущее», я спросила, как он собирается со мной жить, если настолько мне не доверяет. Вот как можно думать о браке с женщиной, которую ты заранее подозреваешь во всех смертных грехах?

Ответ мне не понравился. Если отбросить мычание и невнятные реплики, то он сводился к не новой мысли о том, что все женщины одинаковы: сластолюбивы и не очень умны.

Ну, тут я встала в позу и заявила, что раз он обо мне такого мнения, то ему за невестой надо в ближайший монастырь. А я лично еду вожатой в лагерь.

Съездила – не понравилось. Тяжкий труд, и нагрузка после отбоя тоже немалая. Думаю, кто-то за мной присматривал, потому как хоть Андрюша в гости и не приезжал, но после моего возвращения пришел мириться, и я поняла, что, по его сведениям, вела я себя достойно. А я так

себя и вела... не считая пары частных уроков от физрука, которые, надо сказать, существенно обогатили мой скромный сексуальный опыт.

Вот ведь иной раз и не ждешь, а получаешь сюрприз – и от кого? От собственной мамы! Мама давно поглядывала на меня задумчиво и иной раз норовила вытащить в гости к подругам. Я стойко сопротивлялась, подозревая, что подруга притащит на буксире какого-нибудь молодого человека и вечер превратится в мучительные вопросы-ответы и неловкие молчания, которые неизбежно будут перемежаться дурацкими, с моей точки зрения, и трогательными, с точки зрения родителей, рассказами о детстве присутствующих чад. Один раз я так попала и с тех пор решительно отвергаю любые мамины попытки сводить меня в гости.

Еще она брала сверхурочные, все вздыхала, что жизнь так дорожает, так дорожает. А потом, после вручения диплома, вдруг пришла утром ко мне в комнату и положила на кровать пухлый конверт.

– Это что? – Я с трудом разлепила веки и зашарила по тумбочке в поисках заботливо приготовленной с вечера (вернее, сегодня с утра) водички. Праздновали мы накануне бурно, домой я вернулась даже не поздно, а скорее рано – часов в шесть, когда сил уже не осталось совсем. Попив водички и бросив на себя взгляд в зеркало, принялась стенать и жаловаться на головную боль, и на фига ты меня разбудила, и я бы до обеда хоть поспала...

– Опухнешь, – проворчала мама.

– Да я и так...

Мать смотрела на меня как-то странно, и я встревожилась:

– Мам, ты чего, случилось что?

– Нет, Тусечка, все хорошо. Просто думаю, какая ты у меня уже большая... Так время быстро летит. Вот и институт закончила.

– Ага, и все в девках сижу. Ты опять?

– Нет, нет... – Мама уже всхлипывала.

Понятно, настроение у нас сегодня не ругательное, а умильное. Родители странные люди. Они ждут не дождутся, когда их дети вырастут, и охотно жалуются всем окружающим на недостатки собственного чада. Причем жалобы слышны начиная с момента, когда дите плохо спит по ночам, и не прекращаются, даже когда оно – дите – начинает покуривать. И вдруг оказывается, что ребеночек вырос. Тут родители принимаются об этом жалеть и ударяются в слезы. Обалдеть! Ну, это я сейчас так говорю, а тогда-то я, само собой, тоже разревелась. Мы обнялись с мамой и некоторое время плакали, вытирая носы и слезы моим пододеяльником (чур, не смеяться, это мой любимый комплект постельного белья – в розовых слонах).

Потом мама успокоилась, погладила меня по голове, поморщилась, потому что голова вчера была здорово залачена в попытке сохранить тщательно завитые локоны, а вечером, в смысле утром, я как-то до ванной не добрела. Повздыхав, мама отыскала под пододеяльником тот пухлый конверт, с которого все началось, и протянула его мне со словами:

– Это тебе от меня подарок. С окончанием института.

Я с любопытством сунула нос в светло-синий конверт. Там была куча каких-то бумажек. Вопросительно посмотрела на мать, но та упрямо молчала. Пришлось извлекать бумажки и читать. Только через пару долгих минут и дважды прочитанных листов до меня дошло, что это. Это была туристическая путевка в Италию. Три дня в Римини – пляжный отдых – и три дня в Риме. Рот у меня открылся, глаза вытаращились, а потом мы с мамой опять заплакали, и я говорила: «Спасибо, спасибо, спасибо». Конечно, сначала я расстроилась, что путевка одна и билет один. И даже немножко испугалась: как же одной? Потом вспомнила, что мне, черт, уже глубоко не шестнадцать – и обрадовалась. Хотя совесть мучила.

– Мамочка, а ты?

– Нет, мне это уже тяжело. Ближе к осени обещают дать профсоюзную путевку в Кисловодск, вот туда и съезжу. Водички попою, полечу мои кишки.

Я нашла дату на билете: вылет послезавтра. Послезавтра? Так что же я тут сижу? Надо перебрать вещи, одолжить у Андрюхи его чемодан на колесиках и купить все необходимое.

Два дня прошли в угаре стирок, глажек и сборов. За этот же недолгий срок я успела разругаться с Андреем, который почему-то был очень недоволен, что я собираюсь в Италию. Лично он думал, что я поеду с ним на дачу. Очень надо – каждый вечер шашлыки и выпивка, а каждый день – косые взгляды его мамы и бесконечные намеки, что огород не полот и огурцы надо полить. После того как он что-то пробубнил про Дуньку и Европу, я просто дверью хлопнула и ушла. Ну и пошел к черту – возьму мою старую сумку. Чего мне таскать-то? Тряпки и пару туфель. Кроссовки надену. Ну, косметика. А вот интересно, шампунь брать? Куплю в пакетиках. А лак возьму... Нет, не возьму. На фига мне там лак?

И вот я расцеловалась с мамой, забралась в такси. Ура! Черт, неужели я правда еду в Италию? Даже не верится. Я всегда мечтала путешествовать. И начать почему-то планировала всегда с Италии. Смешно, но я предпочитаю в сто двадцатый раз посмотреть «Римские каникулы», чем «Обитель зла».

Я уже знала, что рейс у меня не прямой и нужно лететь через Москву. Ну и что? Даже замечательно. Проеду через город, посмотрю. Мы как-то давно с классом ездили на экскурсию, и Москва мне понравилась.

К сожалению, в этот раз экскурсии не получилось. Ехала на автобусе от одного аэропорта до другого по кольцу. Не понравилось. Пробки и куча дурацкой рекламы по сторонам дороги.

Но вот и аэропорт, из которого самолет повезет меня в Италию. Ура!!! Конечно, я обошла весь дьюти-фри. Сначала не хотела тратить деньги, потому что тетя Лиля, мамина подруга, которая ездила в Италию, сказала, что там нужно покупать кожу и обувь. Духи тоже можно, но надо знать места. А в Москве дорого. Но потом я подумала: а вдруг мне не подвернется то, что я хочу, то есть шикарная сумка для меня и не менее шикарная для мамы? Не возвращаться же без подарка. И я купила флакончик «Сальвадор Дали», которого мы с мамой обожаем. А потом пошла бродить, смотреть, принюхиваться. В одном магазинчике набрела на такую классную штуку – там выстроились на полках пузырьочки с чистыми маслами. Продавщица объяснила, что сейчас в моде индивидуальные запахи и многие берут флакончики, чтобы самостоятельно смешать неповторимый аромат. Или просто добавить к духам. В общем, что хочешь, то и делаешь. Само собой, если бы у меня было много денег, я купила бы несколько штук. А так – просто ходила и нюхала. Зато узнала, как пахнут пачули. Вот вы читаете рекламу духов: «Наш аромат воплотил в себе дерзкий и в то же время романтичный характер благодаря сочетанию цитрусовых ароматов лайма и резеды с нотками глицинии». Или «яркий и обольстительный аромат с главной темой пачулей, муската и свежими апельсиновыми нотками». Много понятно? Нет, красиво звучит, конечно, но смысл как-то ускользает. А теперь я точно знаю, что мне нравится запах пачулей и я хотела бы, чтобы мой мужчина пользовался одеколоном с этой составляющей. И запах резеды мне понравился. А от розового масла тут же разболелась голова. Когда я осторожно поднесла к носу флакон с иланг-илангом, объявили посадку на мой рейс. Я от испуга чуть не выронила пузырек. Продавщица взглянула на меня с укором, и я поспешила сбежать, сказав: «Большое-большое спасибо».

Кормили в самолете невкусно, и я не стала есть. Побоялась, что укачает, тошнить начнет, оно мне надо? Нас выгрузили в маленьком и жарком аэропорту курортного города Римини. Я довольно быстро прошла паспортный контроль, ни у кого не вызвав интереса, и, выпав в зал прилета, углядела мужика с табличкой. Название турфирмы было написано у меня на конверте

с документами, так что забыть его я не могла при всем желании. Мужик тем не менее бдительно проверил содержимое конверта, записал меня в список и махнул рукой в сторону выхода.

– Идите налево, там стоянка. Автобус с названием турфирмы, гид вас встретит. Или, если хотите, подождите в здании, я встречу остальных, потом вас провожу.

Я понадеялась, что смогу отыскать автобус самостоятельно, и побрела на стоянку. И, пройдя буквально пару шагов, задумалась о том, что, может, мужик был прав, предлагая подождать в здании аэропорта. Там не было холодно, но на улице разливалось настоящее пекло. Тем не менее, решив не отступать так сразу, я нашла автобус и кучку разомлевших от жары соотечественников, коротавших время на краешке тротуара в тени автобуса. Водитель, черноглазый и коротконогий итальянец, пристально осмотрел меня сверху донизу и обратно, расплылся в улыбке и подошел взять сумку. Спрятав ее в нутро раскаленного автобуса, он начал что-то чирикать про белла синьорита, но я, торопливо улыбнувшись, пошла к своим в поисках гида.

Гида звали Наташа – миловидная женщина, само собой, блондинка, – думаю, это сильно помогает ей в общении с итальянскими мужчинами, – в речи которой забавно сочетались остатки украинского и первые признаки итальянского акцентов.

Выяснилось, что автобус отправится только через час-полтора, так как мы ждем еще один рейс. Вдохнув, я отползла в сторону, чтобы покурить и не слышать причитаний тетки, которая летела со мной от самого родного города. Она ворчала и причитала всю дорогу. Ей было в самолете жарко, душно, холодно, ноги устали, места мало, еда невкусная, таблетки от желудка зачихнула в багаж... Стараясь выйти за пределы слышимости, я обошла автобус, спряталась в тени соседнего и потянула из сумки сигареты.

– Иди сюда.

На парапете сидел парень моего возраста, может, чуть старше, и курил. Он призывно похлопал по серому камню рядом с собой и предусмотрительно положил на него толстый рекламный журнал. Заметив, что с другой стороны стоянки мне призывно улыбается водитель, я быстро плюхнулась рядом с парнем.

Он поднес мне зажигалку и сказал, что его зовут Дмитрий, но все зовут коротко – Дим. Я представилась, и мы некоторое время сидели в дружественном молчании, глядя на деревья через дорогу. Похоже, там был очень неплохой парк. Вон лавочки и детская площадка.

– Слушай, – осенило меня, – а почему бы нам не подождать там, под деревьями? Может, в парке не так жарко.

– Точно, мысль здравая. Только я еще переоделся бы, а то в джинсах сдохнуть можно.

– Не то слово, – пробормотала я, потому как пятая точка чувствовала себя так, словно ее тушили на медленном огне.

– Давай я достану сумки, и мы по очереди переоденемся в автобусе?

Так мы и сделали, и я приобрела более-менее курортный вид в легком платьице и открытых босоножках. Парень облачился в шорты и сменил кроссовки на шлепки. Потом мы подошли к Наташе и предупредили, что мы в парк. Она закивала, заверила, что у нас точно есть полтора часа, и принялась всячески намекать ворчливой тетке, что той также будет лучше в парке.

Лично я была на все сто процентов уверена, что тетка ни за что не согласится выпустить автобус из поля зрения, но мне было плевать. Очень хотелось смыться со стоянки, где все время что-то большое и дымящее выхлопными газами то приезжало, то уезжало.

И мы рванули в парк. Этот первый увиденный мной итальянский парк показался мне чудесным, хотя потом, увидев сады виллы Боргезе, я осознала, что ничего особенного он собой не представлял. Но там были сосны и другие деревья и пахло нагретой солнцем смолой. По дорожкам и траве носились дети, а взрослые сидели на лавочках и газонах. Волна смолистого аромата сменялась запахом меда – цветы, наполнявшие газоны, были под завязку нагружены деловитыми пчелами и пахли просто фантастически. Ну и, конечно, там были розы. Парковые,

цветущие, желтые и розовые, красных почему-то было мало. Я готова была лечь под какой-нибудь куст и остаться здесь, как Элли на поле с дурман-травой, но мужчина есть мужчина – Димон уже заметил в отдалении кафе и чрезвычайно оживился.

– Давай пойдем и съедем чего-нибудь, а? Я в самолете не стал, какую-то гадость дали. Только хлеб с маслом съел и все. И дома, в Москве, толком не позавтракал, потому что чуть не проспал.

Желудок, до этого подавленный жарой и впечатлениями, чрезвычайно оживился и голодно заурчал. Дим урчание уловил, ухмыльнулся и повлек меня в сторону кафе.

Мы сели не на открытой веранде, а внутри, так как там вовсю работал кондиционер. Меню, к моему разочарованию, было на итальянском. Попытка разговорить хозяина и выяснить, чем, собственно, он кормит народ, результатов не дала. Хозяин был улыбчив, доброжелателен, но ни по-английски, ни по-русски категорически не говорил. Тогда мы выбрали два блюда, которые удалось идентифицировать даже в итальянском написании. Первым – само собой – была пицца, а вторым – лазанья.

– Я буду лазанью, – заявил Дим. – Сто раз слышал, ни разу не пробовал.

– Да я тоже.

– Тогда давай возьмем одну пиццу и одну лазанью и поделим пополам. Каждому получится по два блюда, так интереснее. Если окажется мало, дозакажем.

– Посмотри вокруг, – сказала я. – Вот у соседей за столиком, я не вижу, что это, но оно свешивается с тарелки. И вон, видишь, тазик салата. Похоже, порции тут приличные, так что, думаю, наедемся.

Пока хозяин орал в окошечко за спиной, видимо давая указания кому-то на кухне, мы почтительно молчали, потом принялись болтать. Дим оказался программером. Я заулыбалась, Дим с готовностью расплылся, хотя я радовалась вовсе не ему, а собственной проницательности. Почему-то я так и подумала, что встреченный мной экземпляр смело можно классифицировать как программера обыкновенного. С одной стороны, это неплохо – определенный уровень интеллекта и отсутствие понтов в ежедневной жизни гарантированы. С другой стороны, черт его знает, что там в его программерской башке, если гений – то точно псих.

В целом башка мне понравилась – лобастая такая, упрямая. И вообще, для программера он был на удивление ладный – худощавый, с широкими плечами. Темные волосы, карие глаза. Красивые руки с длинными пальцами. Терпеть не могу короткие пальцы, как у нашего водителя, который так умильно на меня поглядывал.

В ходе разговора выяснилось, что за душой у Дима имеется ВМК, занятия легкой атлетикой и на настоящий момент – работа в приличной компьютерной компании кем-то (ни фигу не поняла из этой части разговора). Я честно призналась, что не москвичка, но он вроде даже обрадовался и принялся с интересом расспрашивать о моем городе. Тем временем прибыл наш заказ. Дим быстро придвинул к себе тарелку с лазаньей, крепко так взялся за нож и вилку, отрезал немалый кусок. Жевал он его долго, и на лице его проступало разочарование.

– Не нравится? – с интересом спросила я. Пицца была вкусная.

– Как-то это... странно, – протянул Дим. – Тесто похоже на... макароны, что ли. Я вообще-то не люблю макароны.

– По-итальянски они называются паста, а не макароны. Ну-ка, дай сюда.

Я макароны обожаю, честно сказать. Все мое детство мама боролась с этой страстью, ибо на вопрос, что я хочу кушать – не важно, имелся в виду завтрак, обед, ужин, праздник или будни, я неизменно отвечала: «Макароны». Мама продержалась лет до восьми, кажется. Потом просто перестала спрашивать, и по установленному ею жесткому правилу я не должна была есть макароны чаще раза в день.

В целом мы неплохо перекусили: я съела лазанью, а Дим – пиццу. Впрочем, размер ее был таков, что он выделил и мне кусок. Потом мы заказали кофе. Я – капучино, он – двойной

эспрессо. Кофе оказался крепким и вкусным, хотя я, честно сказать, человек сугубо чайный. Взглянув на часы, я подумала, что нам пора обратно. Надо же, как быстро прошло полтора часа. Мы расплатились и вернулись в автобус. Уже через каких-то минут десять к нам догрузили еще человек пятнадцать и всю компанию завезли в город, который находился от аэропорта минутах в десяти. Спрашивается – какого черта надо было парить всех полтора часа? Нельзя туда-обратно было съездить? Гостиница, возле которой выгрузили меня и еще пятерых, оказалась не на первой линии – чего я и не ждала, но вполне близко к морю. Диму предстояло ехать дальше, но он выскочил за мной из автобуса и сказал:

– Не уходи никуда, ладно? Я только вещи заброшу и приду за тобой. Пойдем осматривать город вместе. Подождешь?

Я кивнула и потащила сумку на ресепшн.

Комнатка оказалась маленькой, и весь отель явно не новым, но кругом было чисто, а это все, что требовалось. Я бросила вещи, посмотрела из окна: гостиницы и дома – или это тоже гостиницы? Моря не видно, а очень хотелось посмотреть, какое оно. Натянула купальник – красивый, выбирала черт-те сколько времени, сарафанчик сверху, удобные босоножки. Бросила в сумку полотенце и трусики. Кошелек с деньгами и документами на шею – мама специально купила на веревочке и велела не снимать – кругом жулики и все такое. А вот интересно, как я с ним плавать буду? Но в номере оставлять документы не хотелось, парень на ресепшн, за спиной которого виднелся сейф, не вызвал у меня доверия, так что я все же решила взять кошелек с собой. Итак, я готова к встрече с морем, и солнцем, и, само собой, итальянцами. Бросаю ручку, и вперед!

Я сбегала по лестнице, сделала ручкой итальянцу, который опять начал что-то лопотать про белла синьорита. Надо же, какие они здесь предсказуемые. Впрочем, местами это даже приятно – я в жизни не слышала столько комплиментов, должно быть, это сказывается расслабляющая курортная атмосфера.

Сразу за отелем нужно перейти дорогу, чтобы попасть на пляжи. Я торчала на светофоре, когда услышала, как кто-то зовет меня по имени. Было странно услышать здесь свое имя, и я даже не сразу обернулась. Дим несся ко мне на всех парах.

– Ты чего не подождала? – обиженно спросил он.

– Не знаю... думала, ты потом придешь.

– Когда потом? Завтра? Завтра я тоже приду. – Он хмыкнул. – Или ты хотела побыть одна? Если так, то скажи – я не хочу навязываться.

Я задумалась, разглядывая предполагаемого компаньона. Пожалуй, я не против, чтобы он меня сопровождал. Не то чтобы меня надобно водить за ручку – да ничего подобного! И вообще, я могу сама забить гвоздь, заработать деньги и при наличии подробной карты не потеряться в незнакомом городе. Но вот поди ж ты – в глубине души все равно живет некий атавизм, утверждающий, что с мужчиной спокойнее. Кроме того, в автобусе имелась пара девиц, которые откровенно строили Диму глазки. И расселяться они поехали, насколько я поняла, в его отель. Отдавать симпатичного программера на растерзание каким-то крашеным лахудрам не хотелось, и я решила:

– Давай пошли вместе.

Дим, который терпеливо ждал, когда я приму решение, кивнул, взял меня за руку и повел через дорогу.

Римини оказался городом своеобразным. В этот первый день мы увидели только курортную его часть – вытянувшийся бесконечной лентой песчаный пляж, на котором в стройном порядке располагались ряды зонтиков и шезлонгов. Вот зажмурьтесь и представьте себе: от горизонта до горизонта – зонтики и шезлонги. Я восприняла это нормально, но Дим дико заозирался, и стало понятно, что ему здесь совершенно некомфортно.

– Ты чего?

– Как-то тут... инкубаторно. Хоть бы пальмы какие посадили. А лучше сосны.

Из дальнейшего разговора выяснилось, что спутник мой был безнадежно избалован дикими красотами Крыма и Кавказа и местный ландшафт его категорически не устраивал. Лично я подумала, что, в отличие от Крыма и Кавказа, это место приспособлено к тому, чтобы здесь отдыхали люди. Зонтики и шезлонги наличествуют в таких количествах, что их точно хватит на всех. Есть дорожки, чтобы не вязнуть в песке. Мы брели вдоль пляжа, и я видела, что с завидной регулярностью попадаются детские площадки – огороженные, оборудованные всем, чем можно, полные ярких пластиковых горок и песочниц. Кабинки и душики тоже имеют место быть. Вообще, местная курортная география оказалась проста: море, пляж, полоса площадок, душевиков и кабинок, дорога, а за ней – торговая улица, полная ресторанчиков, кафе и магазинов. Дальше сплошной полосой тянулись отели и гостиницы. По-моему, все, что нужно, для того, чтобы отдохнуть с толком.

Побродили вдоль берега и искупались. Потом пошли в кафе. Я настояла на том, что платить будем каждый за себя, Дим пожал плечами – как угодно. Я заказала рыбу, а он мясо, и мы оба остались довольны. За вином и болтовней подкрался вечер, и стало темнеть. Народ наполнил кафешки и прочие заведения, и торговая улица, пустоватая днем, оживилась чрезвычайно. Появились фокусники, акробаты, магазинчики ярко засияли всеми огнями радуги. Дим заметил, что я посматриваю на выставку туфель неподалеку от нашего ресторана, и спросил:

– Пойдешь шопинговать?

– Хотелось бы. Не знаю, хватит ли денег, но подарок маме надо купить.

– Не обидишься, если я тебя брошу? Терпеть не могу ходить по магазинам.

– Не обижусь, – честно пообещала я, заверила заботливого спутника, что отель найду, и он отбыл, а я побрела по магазинам.

Купила маме сумку.

Себе туфли.

И поклялась, что больше ничего не куплю – оставлю деньги на Рим. И еще ведь кушать что-то надо. Еле живая добрела до отеля и сейчас клюю носом безбожно. Какой чудесный день!

Мы не договаривались встретиться, но, когда я спустилась вниз после завтрака, Дим уже торчал в холле.

– Ты поел?

– Да. Я вообще-то рано встаю. Ты выпалась?

– Прекрасно.

– Дорога не мешала?

– Ни фига. Спала как сурок.

– Все деньги вчера просадила?

– Почти, папочка.

Он хрюкнул и больше не вязался.

– Куда пойдем?

– Пойдем искать Рубикон.

– Чего? – Он вытаращил глаза.

– Историю в школе проходил? Помнишь, был такой выдающийся человек, Юлий Цезарь. Так вот, он в свое время перешел реку Рубикон со словами «жребий брошен». И это имело большие последствия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.